

Антон Павлович Чехов

**«Гамлет» на Пушкинской
сцене**

Антон Павлович Чехов

«Гамлет» на Пушкинской сцене

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22105160

Чехов А. П. «Гамлет» на Пушкинской сцене // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 16: Сочинения. 1881: АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Изд-во "Наука"; Москва; 1979

Аннотация

«... Г. Иванов-Козельский не силен для Гамлета. Он понимает Гамлета по-своему. Понимать по-своему не грех, но нужно понимать так, чтобы автор не был в обиде. Все первое действие г. Иванов-Козельский прохныкал. Гамлет не умел хныкать. Слезы мужчины дороги, а Гамлета и подавно; и на сцене нужно дорожить ими, не проливать попусту. Г. Иванов-Козельский сильно испугался тени, так сильно, что даже его жалко стало...»

Антон Павлович Чехов

«Гамлет» на Пушкинской сцене

Жил-был себе на свете очень мудрый человек. Этот мудрый человек был не от мира сего: не ел, не пил, не спал, а все науками занимался. Халат был его единственной одеждой, а кабинет, заваленный книгами, единственным увеселительным местом.

– Вы бы легли спать, герр профессор! – каждую полночь обращалась к нему его кухарка. – «Вздор!» – отвечал он. (Спать-то – вздор!! Экий чудак!)

– Обедать будете, герр профессор? – каждый полдень спрашивала его кухарка. – «Некогда!»

И этого мудрого человека встретил я однажды в одном месте... в очень нехорошем месте! Он по-гусарски дул шампанское и сидел с хорошенькой пухленькой француженкой...

– Что вы делаете, герр профессор?!?! – воскликнул я, побледнев от удивления.

– Глупость, сын мой! – отвечал мудрец, наливая мне шампанского. – Я делаю глупость...

– Для чего же??!

– А для того, сын мой, чтобы проветрить малость атмосферу... За женщин и вино!

Я выпил и еще более побледнел от удивления.

– Сын мой! – продолжал мудрый человек, играя волосами француженки. – В моей голове собрались тучи, атмосфера отяжелела, накопилось многое множество... Все это должно проветриться, очиститься, стать на свое место, и я ради этого делаю глупость. Глупость глупая вещь, но она нередко действует освежающе... Вчера я был похож на гниющую траву, завтра же утром, о bone discipule¹, ты увидишь меня свежим. Да здравствует раз в год глупость! Vivat stultitia!

Мы выпили.

Если глупость действует иногда освежающе, то кольми же паче противоположная ей крайность!

Никто так сильно не нуждается в освежении, как наши сцены... Атмосфера свинцовая, гнетущая. Аршинная пыль, туман и скука. Ходишь в театр, честное слово, только потому, что некуда больше ходить. Строишь на сцену, зеваешь да потихоньку бранишься.

Глупостью не освежишь театральной атмосферы по очень простой причине: к глупости театральные подмостки присмотрелись. Надо освежать другою крайностью; а эта крайность – Шекспир.

Стоит ли в театре Пушкина играть «Гамлета» или не стоит? не раз слышался вопрос. Этот вопрос праздный. Шекспира *должно* играть везде, хотя бы ради освежения, если не для поучения или других каких-либо более или менее высо-

¹ добрый ученик (лат.).

ких целей.

«Гамлет» на Пушкинской сцене был встречен с удовольствием. И публика была многочисленна, и господа артисты повеселели. Никто не зевал и тоски не чувствовал, несмотря на все нижеписанные промахи. Из театра никуда не тянуло. Сиделось охотно.

Г. Иванов-Козельский не силен для Гамлета. Он понимает Гамлета по-своему. Понимать по-своему не грех, но нужно понимать так, чтобы автор не был в обиде. Все первое действие г. Иванов-Козельский прохныкал. Гамлет не умел хныкать. Слезы мужчины дороги, а Гамлета и подавно; и на сцене нужно дорожить ими, не проливать попусту. Г. Иванов-Козельский сильно испугался тени, так сильно, что даже его жалко стало. Он сжевал и скомкал во рту все обращение к отцу. Гамлет был нерешительным человеком, но не был трусом, тем более, что он уже готов был к встрече с тенью. Сцена, где Гамлет приглашает своих друзей поклясться на мече, не удалась: Иванов-Козельский не говорил, а шипел, точно гусак, за которым гонятся мальчишки. В беседах с Розенкранцем и Гильденштерном отсутствовало достоинство. Перед ними Иванов-Козельский ломался. И т. д. и т. д. Мы могли бы исписать очень много бумаги, если бы стали изображать все промахи Иванова-Козельского... Много чувства, много щемящей за сердце задушевности, но мало самого главного. Это самое главное далеко отстоит от г. Иванова-Козельского. Мало чувствовать и уметь правильно пере-

давать свое чувство, мало быть художником, надо еще быть всесторонне знающим. Образованность необходима для берущегося изображать Гамлета. Сцена с матерью проведена прекрасно. То же можно сказать и о сцене на кладбище. Много было прелести в игре Иванова-Козельского, и всю эту прелесть можно записать на счет его умения чувствовать... только! Он подчеркивал каждое слово, следил за каждым своим движением, рассчитывал шаги... Этот недостаток есть удел всех начинающих. Смерть с ужасным голосом и с судорогами можно было бы заменить естественною смертью.

Клавдий был недурен. Он не умел только становиться на колени. Королева, тень, Горацио и прочие были плохи. Впрочем, 1-й актер (Новиков) был хорош, у Офелии, говорят, голос был лучше, чем у г-жи Барановой, которая, впрочем, играла недурно. Теперь чисто внешняя сторона дела.

Сцена мала, декорации плохи. Торжественные возгласы короля не были по размеру к маленьким комнаткам, изображавшим дворцовые палаты. Но это не беда. На безрыбье и рак рыба, а на безлюдье и Фома человек. Г. Иванову-Козельскому иностранные костюмы так же не к лицу, как г. Ленскому черный сюртук. Далее... Для чего Горацио нарядили в шлем? Для чего выпускали из текста то, чего нельзя выпускать?

Но эти маленькие промахи бледнеют пред гениальностью того, кто первый подал мысль поставить «Гамлета» на Пушкинскую сцену.

Лучше плохо сыгранный Шекспир, чем скучное ничего.